

11. Гордеев Г.С. Сельское хозяйство в войне и революции. М.; Л., 1925. 204 с.
12. Кижасева Т.А. Менталитет и социальное поведение сельского населения Томской губернии в годы Первой мировой войны (1914–1917): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2006. 23 с.
13. Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1983. 400 с.
14. Горюшкин Л.М. Крестьянское движение в Сибири в годы Первой мировой войны // Известия СО РАН. 1979. № 11. Сер.: Обществ. науки. Вып. 3. С. 95–101.
15. Горюшкин Л.М., Ноздрин Г.А., Сагайдачный А.Н. Крестьянское движение в Сибири. 1914–1917 гг.: хроника и историография. Новосибирск, 1987. 239 с.
16. Крестьянское движение в годы Первой мировой войны. Июль 1905 – февраль 1917 г.: Сб. док. М.; Л., 1965. 605 с.
17. Волков Е.З. Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет. М., 1930. 273 с.
18. Еремин И.А. Западная Сибирь в период Первой мировой войны (июнь 1914 – март 1918 г.): учеб. пособ. Барнаул, 2010. 293 с.
19. Щеров И.П. Миграционная политика в России 1914–1922 гг. Смоленск, 2000. 316 с.
20. Белова И.Б. Первая мировая война и российская провинция. 1914 – февраль 1917 г. М., 2011. 288 с.
21. Чудаков О.В. Деятельность омского городского самоуправления по организации помощи беженцам в годы Первой миро-

вой войны // Проблемы историографии, источниковедения и исторического краеведения в вузовском курсе отечественной истории. Омск, 2000. С. 183–188.

22. Чудаков О.В. Городское самоуправление в Сибири в годы Первой мировой войны и период социальных катаклизмов (июль 1914 – первая половина 1918 гг.). Омск, 2013. 423 с.

23. Щетинина А.С. Беженцы на юге Западной Сибири 1914–1923 гг.: источники и методы изучения: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2007. 24 с.

24. Нам И.В. Численность и национальный состав беженцев в Сибири в годы Первой мировой войны // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул, 2003. Кн. 2. С. 276–279.

25. Горелов Ю.П. Прием беженцев в Сибири в годы Первой мировой войны // Сибирь. XX в. Кемерово, 2002. Вып. 4. С. 66–73.

26. Оскин М.В. Неизвестные трагедии Первой мировой войны. Пленные. Дезертиры. Беженцы. М., 2011. 432 с.

27. Зольников Д.М. Рабочие Сибири в годы Первой мировой войны и Февральской революции. Новосибирск, 1982. 206 с.

28. Струмилин С.Г. Проблемы экономики труда. М., 1982. 472 с.

29. Иконникова Т.Я. Дальневосточный тыл России в годы Первой мировой войны. Хабаровск, 1999. 363 с.

Статья поступила
в редакцию 10.04.2014

УДК 94(47).084.3

И.Б. БЕЛОВА

БЕЖЕНЦЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ. 1918–1919 гг.

канд. ист. наук,
Калужский государственный университет
им. К.Э. Циолковского,
г. Калуга,
e-mail: irina-25.01@mail.ru

В статье на примере центральных губерний Европейской России рассмотрена проблема возвращения на родину в 1918–1919 гг. беженцев Первой мировой войны – уроженцев западных территорий, отторгнутых от России по Брест-Литовскому мирному договору.

Отражена политика большевистской власти в отношении досоветских организаций попечения о беженцах, организаций, созданных на демократических началах в советский период и продолживших дело обеспечения нужд беженцев. Освещен процесс создания советских эвакуационных органов, в ведение которых перешли беженцы.

В статье анализируется результативность деятельности Центропленбежа по реэвакуации беженцев. Приводятся сравнительные данные о количестве беженцев, бесплатно отправленных на родину Центропленбежем, самостоятельно выехавших и оставшихся в регионе к началу 1920 г. Показаны масштабы стихийного движения беженцев на родину, отношение к движению Центропленбежа, а также пленбежей и органов власти на местах, для которых беженцы являлись непосильным бременем в условиях голода и разрухи.

Автор дает оценку отношению центральной власти к многочисленным проблемам беженцев, находившихся на территории Российской республики в ожидании реэвакуации, в том числе декларативному характеру декрета СНК от 28 января 1919 г. «Об обязанностях Центральной коллегии о пленных и беженцах по отношению к беженцам, подлежащим реэвакуации». Показаны способы привлечения беженцев к службе в Красной Армии и принудительным работам.

Ключевые слова: беженцы Первой мировой войны, Центральная коллегия по делам пленных и беженцев, центральные губернии Европейской России, Советы беженцев, легальная реэвакуация, стихийное беженское движение, заградительные отряды, беженские пайки, принудительный труд, мобилизация в Красную Армию, Гражданская война, голод, эпидемии.

Исследования, посвященные судьбе беженцев Первой мировой войны в советской России, начинают появляться с конца 1990-х гг. В работах Н.В. Лахаревой впер-

вые исследуется положение беженцев, размещенных на территории Курской губернии [1; 2]. Беженское движение из Курской губернии в 1918–1919 гг. автор характеризует

как исключительно стихийное, поскольку в этот период планомерная реэвакуация из региона не осуществлялась. По заключению автора, подавляющее большинство оставшихся в губернии беженцев нуждалось в материальной помощи, между тем государственные беженские пайки были в 1918 г. отменены [1, с. 17–19].

В.С. Утгоф, занимаясь проблемой белорусских беженцев, пришла к заключению, что в советской России взамен системы попечения о беженцах создали структуру по возвращению беженцев на родину [3]. При этом до 1921–1922 гг. беженцы как категория населения, особо нуждавшаяся в материальной поддержке, оставались в России без помощи. По мнению автора, независимой Белорусской Народной Республике в 1918 г. удалось наладить связь с беженскими организациями на Украине и в Прибалтике и начать переписку с германским правительством о возвращении гражданского населения на родину, но эти шаги, к сожалению, по ряду причин оказались без последствий. Белорусский национальный комиссариат (Белнацком), созданный в 1918 г. Народным комиссариатом по делам национальностей, принял участие в разгроме независимого Гродненского центрального комитета объединенных организаций, оказывавших помощь беженцам. Между тем самому Белнацкому не удалось наладить оказание адресной материальной и социальной помощи белорусским беженцам, так как большевики не наделили его юридическими полномочиями [3, с. 18–19, 22].

Историки из Латвии Т. Бартеле и В. Шалда проанализировали положение латышских беженцев в условиях советской власти и трудный процесс их репатриации [4]. Авторы считают, что после смены власти в России как в феврале, так и в октябре 1917 г. основная масса беженцев плохо поддавалась большевистской пропаганде с привлечением латышей-коммунистов и была настроена на немедленное возвращение на родину. Латышские коммунисты участвовали в ликвидации прежних латышских беженских организаций помощи беженцам. По заключению авторов, беженцы-латыши различными способами старались избежать призывов в Красную Армию, чтобы не участвовать в противоборстве «красных» и «белых» [4, с. 20–22, 24].

После заключения в Брест-Литовске мирного договора с Германией в марте 1918 г. для решения проблемы возвращения на родину военных и гражданских пленников, беженцев и заложников в апреле 1918 г. была учреждена Центральная коллегия по делам пленных и беженцев (Центропленбеж)¹. Беженцы подлежали ведению Центропленбежа с момента их реэвакуации². Губернские и уездные органы этой организации (губ- и уездпленбежи) в Центральном районе Европейской России приступили к работе в основном летом 1918 г.

¹ Декрет об учреждении Центральной коллегии по делам пленных и беженцев. 23 апреля 1918 г. // Декреты Советской власти. М., 1959. Т. 2. С. 165–167.

² Декрет в дополнение Декрета об учреждении Центральной коллегии по делам пленных и беженцев. 21 июня 1918 г. // Там же. С. 462–463.

Оказание материальной помощи беженцам до реэвакуации в их обязанности не входило, хотя беженские пайки были отменены³. К этому времени прежние до-советские беженские организации были распущены, а Советы беженцев, созданные уже в советский период, находились в процессе ликвидации. Было распущено Центральное правление Всероссийского союза беженцев, избранное на II Всероссийском съезде беженцев в ноябре 1917 г. Им была принята резолюция, согласно которой на советское государство возлагалась ответственность за дальнейшую судьбу беженцев, за проведение в жизнь специальных программ, разработанных Всероссийским союзом беженцев, а это не входило в планы центральной власти.

С 16 июля 1918 г. беженцам – уроженцам местностей, отторгнутых от России в соответствии с Брест-Литовским мирным договором, было разрешено ходатайствовать о выходе из российского гражданства⁴. На это отводился всего один месяц, но по многочисленным жалобам и просьбам как беженцев, так и местных органов Центропленбежа срок подачи заявлений продлевался еще трижды⁵. В сентябре 1918 г. НКВД были разработаны Временные правила порядка выхода уроженцев Украины из российского гражданства⁶. Между тем дела по ходатайствам о выходе из российского гражданства с 18 ноября 1918 г. были аннулированы, а прием прошений о выходе прекращен до особого распоряжения⁷. Оставшихся в российском гражданстве беженцев уравнивали с гражданами Российской республики в «отношении подведомственности»⁸. На этом основании беженские приюты, убежища, школы были переданы Наркомату социального обеспечения и Наркомату просвещения. «Уравнивание в отношении подведомственности» означало также, что беженцам вменялась в обязанность служба в Красной Армии.

Начать реэвакуацию беженцев планировалось с Северо-Западного района страны (1-я зона). Такие центральноевропейские губернии, как Орловская, Курская, Калужская, Тульская, были отнесены ко 2-й зоне, а Рязанская и Воронежская – к 4-й. Сначала Центропленбеж потребовал от своих местных органов заново зарегистрировать всех беженцев с использованием документации нового образца. Списки зарегистрированных

³ Постановление НКВД от 21 марта 1918 г. о прекращении с 1 января 1918 г. выдачи казенного беженского пайка // Государственный архив Калужской области (далее – ГАКО). Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 1. Л. 30–31.

⁴ Декрет о выходе некоторых категорий лиц из российского гражданства. 15 июля 1918 г. // Декреты Советской власти. М., 1964. Т. 3. С. 18–19; Декрет опубликован: «Известия» 1918. 16 июля. № 148.

⁵ Государственный архив Орловской области (далее – ГАОО). Ф. Р-1162. Оп. 1. Д. 18. Л. 16–16 об.

⁶ Известия Калужского губернского исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1918. 28 нояб. № 246.

⁷ Циркуляр НКВД от 31 июля 1919 г. // ГАОО. Ф. Р-1162. Оп. 1. Д. 693. Л. 6.

⁸ Декрет об уравнивании беженцев, остающихся в российском гражданстве, с остальными гражданами Республики. 27 июля 1918 г. // Декреты Советской власти. М., 1964. Т. 3. С. 103–104.

беженцев из уездов следовало направлять в Губпленбеж на утверждение и определение очередности отправки, а наряды на вагоны выделял Центропленбеж. Документы, оформленные по старой форме, не принимали к рассмотрению⁹. Беженцы из разных регионов выезжали самостоятельно, например, у границы с Украиной в июле 1918 г. на территории Курской губернии скопилось до 5 тыс. беженцев, а за демаркационной линией на расстоянии 5–6 верст – до 20 тыс.¹⁰.

Свои услуги беженцам по ускорению оформления отъезда предлагали всякие дельцы и аферисты за 5 руб. с одного человека, кроме того, беженцам советовали дополнительно приобретать по 50 руб. какие-то «охранные листы» будто бы тоже для ускорения отправки. Снявшиеся с мест беженцы, уже не имевшие крыши над головой, готовы были заплатить, лишь бы уехать¹¹. Железнодорожные станции летом 1918 г. сплошь были заполнены беженцами, в том числе больными. Обирали беженцев и должностные лица. Так, 16 октября 1918 г. в Орше задержали санитарный поезд с украинскими беженцами. При этом сотрудники чрезвычайной пограничной комиссии запросили за отправку поезда 1,5 тыс. руб., потом еще 200 тыс. руб.¹²

Конкретных сроков плановой отправки на местах не знали и сообщить беженцам ничего не могли. При этом условия советской действительности заставляли беженцев действовать самостоятельно на свой страх и риск. Так, Рязанскую губернию, плановая отправка из которой намечалась лишь в четвертую очередь, уже к лету 1918 г. самостоятельно и с помощью прежних беженских организаций покинула большая часть беженцев: из 73,5 тыс., имевшихся на начало 1917 г., осталось около 15 тыс.¹³. Оставшиеся, спасаясь от голода, самостоятельно покидали территорию Рязанской губернии, при этом Губпленбеж сообщал Центру, что беженцы, несмотря на воспрещение, уезжали самовольно и что они «передвигались, как частные пассажиры»¹⁴. Самовольно передвигавшихся беженцев предписывалось снимать с поездов и размещать по месту задержания, например, в разграбленных и пустовавших имениях (без печей, окон и дверей). Многие беженцы предпочитали находиться в пакгаузах железнодорожных станций, надеясь уехать при первой же возможности. Летом беженцы самовольно двигались не только по железным или грунтовым дорогам, но и водным путем¹⁵.

⁹ Отчет о деятельности беженского отдела Почепской уездной коллегии о пленных и беженцах со дня образования коллегии по 1 октября сего года. Сентябрь 1918 г. // ГАОО. Ф. Р-378. Оп. 1. Д. 10. Л. 5–5 об.

¹⁰ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-3333. Оп. 2. Д. 69. Л. 5–6.

¹¹ Там же. Оп. 2. Д. 3. Л. 161–162.

¹² Там же. Д. 39. Л. 2–4.

¹³ Государственный архив Рязанской области (далее – ГАРО). Ф. Р-547. Оп. 1. Д. 1 в. Л. 88.

¹⁴ Там же. Ф. Р-1104. Оп. 1. Д. 6. Л. 235.

¹⁵ Там же. Ф. Р-547. Оп. 2. Д. 54. Л. 72, 81; Д. 11. Л. 21–21 об, 226, 267, 323–324.

В 1919 г. Центропленбеж прямо объявил своим местным организациям, что «дело о реэвакуации беженцев в данное время находится в очень плачевном положении, и на скорую отставку на родину нет почти никакой надежды». Исходя из этого, предлагалось составить сметы расходов на удовлетворение нужд беженцев и представить их в Центропленбеж¹⁶. Сметы были составлены и представлены, но этим все и кончилось. Вопрос об оказании помощи беженцам до их реэвакуации так и не был решен положительно.

В распоряжении Реввоенсовета по поводу невозможности отправления беженцев на Запад сообщалось, что «белогвардейцы привлекают на службу всех, проходящих через их фронт и способных носить оружие, что переход беженцев через демаркационную линию влияет на ход военных операций <...> если беженцы будут направляться в Минск, то все они будут арестовываться и препровождаться под конвоем»¹⁷. Между тем беспрепятственный проезд на родину предоставлялся беженцам – членам коммунистической партии, «всцело стоящим на платформе Советской власти, для участия в созидании новой свободной социалистической России на своих родных местах», как они писали в своих заявлениях¹⁸. В декабре 1918 г., например, Литовская национальная секция ЦК РКП(б) рассылала в местные губкомы РКП(б) телеграммы о мобилизации «в связи с возрастающим революционным движением в Литве всех товарищей коммунистов – уроженцев Сувалкской, Ковенской, Виленской и Гродненской губерний для создания там Советской власти <...> Время не ждет, каждый час дорог!»¹⁹.

В 1919 г. наблюдалось повсеместное массовое изгнание беженцев из домов сельских жителей. По этому вопросу беженские ходоки предпринимали поездки в Москву, в том числе к В.И. Ленину. В ответ местным органам Центропленбежа предлагалось возвращать беженцев на прежние места²⁰. Невыдача беженцам продовольствия райпродкомами была обычным явлением. Практически все беженские семьи ездили за хлебом и другими продуктами на Украину и в другие губернии, несмотря ни на какие заградотряды²¹.

На фоне хронического недоедания, эпидемий различных заболеваний росла смертность населения. Так, в Рязанской губернии далеко не полные сведения о 460 умерших беженцах за два года с начала советского периода собрали по 7 уездам из 12, в которых находились беженцы. Ясно, что в остальных уездах численность беженцев тоже сократилась, так как люди находились в одинаковых условиях²². По неполным данным, соб-

¹⁶ ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 299. Л. 34.

¹⁷ ГАРО. Ф. Р-547. Оп. 2. Д. 54. Л. 31.

¹⁸ ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 299. Л. 17.

¹⁹ Государственный архив документов новейшей истории Калужской области (далее – ГАДНИКО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. Л. 16.

²⁰ ГАРО. Ф. Р-547. Оп. 2. Д. 11. Л. 120; Д. 54. Л. 45; ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 1. Д. 102. Л. 108, 198–199.

²¹ ГАРО. Ф. Р-1498. Оп. 1. Д. 11. Л. 403; Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 12. Л. 188; см. также: [5, с. 292].

²² ГАРФ. Ф. Р-547. Оп. 2. Д. 61. Л. 1–75; Ф. Р-1104. Оп. 1. Д. 6. Л. 73, 79–81, 107, 110 об.

ранным не по всем волостям Жиздринского уезда Калужской губернии, с лета 1918 г. по конец 1919 г. умерло около 300 беженцев, в том числе с 1 сентября по 15 ноября 1919 г. – 88 чел. (35 чел. в месяц), в Козельском уезде за второе полугодие 1919 г. скончалось 125 беженцев (20,9 чел. в месяц)²³.

Местные пленбежи, несмотря на запрет Центра на отправку беженцев в другие губернии, лучше обеспеченные продовольствием, все-таки отправляли их, но старались придать своим действиям законные основания, учитывая, что придется держать ответ. Например, Рязанский губпленбей в апреле 1919 г. отправил в Воронеж ходяков от 35 беженских семей для подыскания места переселения на основании якобы «неотменного разрешения Центропленбежа по поводу посылки подобного рода ходяков»²⁴. Единовременное пособие, которое могло быть выдано отделом наркомсобеса лишь немногим, составляло 50–80 руб. в месяц, этого могло хватить лишь на 3–4 дня²⁵. Не получая разрешения на отправку беженцев, совдепы на свой страх и риск выдавали удостоверения, по которым железная дорога выделяла места и даже вагоны, особенно если среди беженцев были семьи железнодорожников²⁶.

Беженцы двигались на запад или в юго-восточном направлении и без всяких удостоверений, просто в качестве пассажиров²⁷. Всех задерживаемых в дороге негде было размещать и нечем кормить, в результате, к радости беженцев, их отправляли следовать дальше. Например, беженские эшелоны (3,5 тыс. чел.) были задержаны возле Тулы 3 октября 1919 г. эмисаром Центропленбежа тов. К. Цодкиным, который попытался расселить их вблизи железнодорожных станций Белев и Горбачево, однако, вопреки его намерениям, беженцы усилиями местных властей были отправлены следовать дальше. Товарищ Цодкин не встретил поддержки даже со стороны белевского ревкома²⁸. В итоге самостоятельно передвигавшихся по железной дороге беженцев стали принудительно направлять на работы государственной важности в разные места, в соответствии с принятым СНК декретом²⁹, например, на угольные шахты, рудники, торфоразработки и другие работы³⁰.

Как видим, в 1919 г., как и в 1918 г., вместо бесплатной планомерной по территориальному принципу реэвакуации наблюдалось самостоятельное беженское движение, которому Центропленбей чинил препятствия.

В ответ на поток жалоб беженцев на «голод и холод» при запрете отправки на родину ответственные работники Центропленбежа рекомендовали своим местным органам принимать меры к тому, чтобы беженцы «получали обеспечивающий существование заработок и паек, а нетрудоспособные – пособие от местных отделений Наркомтруда и Наркомсобеса»³¹. В регионах охотно последовали бы советам Центра, не будь они оторваны от реальности.

В начале 1919 г. в регионах с большим оптимизмом отнеслись было к декрету СНК от 28 января 1919 г.³², предполагая, что он «дает возможность беженцу прожить спокойно до выезда на родину». В нем на Центропленбей в отношении беженцев, не получивших еще возможности тронуться в путь и оставшихся на местах временного водворения, возлагалось «самостоятельное проведение в жизнь мер, служащих целям оказания беженцам всех видов материальной и духовной помощи». Центропленбежу предоставлялось право «испрашивать» кредиты на эту помощь у государственного казначейства. К сожалению, декларативный характер декрета от 28 января 1919 г. скоро стал очевидным, так как кредиты «испрашивались», но не отпускались³³. Между тем из секретного фонда, находившегося в распоряжении В.И. Ленина, отпускались значительные средства на зарубежную коммунистическую пропаганду и координацию революционных сил [6, с. 286].

Что касается численности беженцев, покинувших центральноевропейские губернии, то надо отметить, что из шести из них до образования уездных эвакуационных органов выехало около 200 тыс. чел. (из находившихся там на начало 1917 г. 400 тыс. чел.) самостоятельно и с помощью досоветских беженских организаций и Советов беженцев, созданных и ликвидированных уже в советский период. С разрешения Центропленбежа, по инициативе его местных органов, как исключение, в особых случаях сверхкритического положения беженцев в продовольственном и квартирном отношении, из отдельных уездов было реэвакуировано около 15 тыс. (7,5 %) беженцев, свыше 70 тыс. (35,5 %) выехали самостоятельно или погибли от голода и болезней в местах временного проживания. К началу 1920 г. в регионе продолжали оставаться около 114 тыс. (57 %) из находившихся там к моменту образования уездных органов Центропленбежа 200 тыс. (100 %) беженцев³⁴.

³¹ ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 1а. Д. 2. Л. 28.

³² Декрет СНК об обязанностях Центральной коллегии о пленных и беженцах по отношению к беженцам, подлежащим реэвакуации. 28 января 1919 г. // Декреты советской власти. Т. 4. М., 1968. С. 327–329.

³³ ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 2 а. Д. 39. Л. 21, 22–22 об.

³⁴ Подсчитано по: Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 4. Оп. 1. Д. 55. Л. 27–27 об; ГАРФ. Ф. Р-1498. Оп. 1. Д. 214. Л. 50; Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 12. Л. 87 об, 97; ГАОО. Ф. Р-378. Оп. 1. Д. 18. Л. 29–29 об; Д. 184. Л. 717; Ф. 697. Оп. 1. Д. 5. Л. 2; ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 299. Л. 22; Оп. 4. Д. 607. Л. 2–3 об; ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 120. Л. 39 об–44 об; Д. 136. Л. 38; Д. 166. Л. 338; ГАРФ. Ф. Р-547. Оп. 1. Д. 1 в. Л. 88, 149–160 об; Оп. 2. Д. 19. Л. 33; Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 571. Л. 26–26 об; ГАРФ. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 377 (без нумерации листов); [1, с. 14, 17, 25].

²³ Подсчитано по: ГАРФ. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 12. Л. 411–412; Д. 22 (без нумерации листов).

²⁴ ГАРФ. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 522. Л. 10–10 об.

²⁵ ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 1 а. Д. 8. Л. 49.

²⁶ Там же. Оп. 4. Д. 107. Л. 17.

²⁷ Там же. Оп. 1 а. Д. 102. Л. 82.

²⁸ Государственный архив Тульской области (далее – ГАТО). Ф. Р-717. Оп. 2. Д. 103. Л. 19, 21; ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 1а. Д. 8. Л. 10, 34–35, 46.

²⁹ Декрет СНК Об использовании рабочей силы беженцев. 19 сентября 1919 г. // Декреты Советской власти. М., 1973. Т. 6. С. 122–123.

³⁰ ГАРФ. Ф. Р-547. Оп. 2. Д. 11. Л. 466.

Таким образом, большевистская власть под видом демократизации беженского дела упразднила досоветские организации помощи беженцам, а затем ликвидировала и новые демократические, претендовавшие на государственное финансирование всесторонней помощи беженцам Первой мировой войны. Взамен были созданы эвакуационные органы, ведению которых беженцы подлежали лишь с момента их реэвакуации. Беженцы были лишены государственных пособий, им создавались препятствия в реализации права на оптацию иностранного гражданства с целью пополнения рядов Красной Армии и использования их на принудительных работах. Объявленная приостановленной до особого распоряжения централизованная планомерная репатриация фактически не осуществлялась. Применялись запретительные меры в отношении самостоятельного беженского движения на родину и в районы, более обеспеченные продовольствием. При этом местные исполкомы вместе с губ- и уездпленбежами распоряжения Центра по противодействию беженскому самотеку выполняли вяло, неохотно и не всегда, так как беженцы являлись для них непосильным бременем.

В результате в 1918–1919 гг. из шести центрально-европейских губерний часть беженцев смогла самостоятельно вернуться на родину, часть – переехала в

восточные и юго-восточные районы, на Украину, часть стала жертвой эпидемий и голода, всего чуть более 1/3 их общего количества. Не смогли самостоятельно покинуть голодные губернии более половины беженцев. Лишь около 7,5 % беженцев были бесплатно отправлены на родину Центропленбежем. Беднейшая часть беженского населения выживала за счет мешочничества и нищенства, систематически выезжая в производящие районы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лахарева Н.В.* Судьба беженцев Первой мировой войны в Советской России: 1918–1925 гг.: На примере Курской губернии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 1999.
2. *Лахарева Н.В.* Реэвакуация беженцев Первой мировой войны с территории Курской губернии (1918–1925). Курск, 2001.
3. *Утгоф В.С.* Белорусские беженцы Первой мировой войны в 1914–1922: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2003.
4. *Бартеле Т., Шалда В.* Латышские беженцы в России в годы Гражданской войны // Отечественная история. 2000. № 1. С. 18–31.
5. *Давыдов Ю.А.* Мешочники и диктатура в России. 1917–1921 гг. СПб., 2007.
6. *Ватлин А.Ю.* Коминтерн: Идеи. Решения. Судьбы. М., 2009.

*Статья поступила
в редакцию 20.03.2014*